

Джозеф Шеридан Ле Фаню Призрак мадам Краул

Скачано с Библиотека умных книг <http://lib.adtm.ru/lib/>
«Лучшие истории о привидениях»: Терра-Книжный клуб; 1998
ISBN 5-300-02237-3

Аннотация

Экономка мадам Краул определяет к своим работодателям свою четырнадцатилетнюю племянницу. Ей предстоит проводить время в доме мадам Краул и следить за тем, чтобы со старухой ничего не случилось. Древняя старуха внушает девочке ужас, тем более что предыдущая служанка проработала всего неделю, после чего вынуждена была уехать.

Джозеф Шеридан Ле Фаню Призрак мадам Краул

Двадцать лет прошло с тех пор, как высокая, худощавая миссис Джоллиф в последний раз появлялась на людях. Нынче годы ее уже перевалили за семьдесят, и не так уж много верстовых столбов осталось ей отсчитать на пути к вечному приюту. Волосы ее, выбивающиеся из-под строгого чепца, побелели, как снег, однако взгляд добрых глаз сохранил былую пронизательность. Держится она по-прежнему, не сутулясь, ходит легко и быстро.

В последние годы она заметно постарела и была вынуждена передать в более молодые руки заботу о своих юных подопечных, тех, кто еще не выбрался из колыбели и ползал на четвереньках. Счастливы, которые запомнили, как над ними склонялось, выплывая из первородного небытия, ее добродушное лицо, которые учились ходить, крепко держась за палец доброй нянюшки, и восторженно лопотали ей первые слова, давно «вымахали» в рослых юношей и солидных дам. Кое у кого проскальзывают серебристые пряди в волосах, тех самых «кудрях — чистое золото», которые нянюшка так любила расчесывать напоказ восхищенным матерям. Да и сами матери давно уже не прогуливаются воскресными днями по лужайкам в городском парке Голден-Фрайерса, ибо имена их навечно высечены на

плоских надгробных камнях церковного кладбища.

Да, под палящим солнцем времени созревают одни, увядают другие; для многих приближается печальный час заката. Так и для нашей героини, пожилой женщины, уроженки Севера, когда-то нянчившей очаровательную Лору Мидцмэй, уже наступил вечер. А вот и ее воспитанница; она с радостной улыбкой вошла в комнату, бросилась на шею доброй старушке и расцеловала ее.

— Какая удача! — воскликнула миссис Дженнер. — Вы пришли как раз вовремя, чтобы послушать занятую историю.

— В самом деле? Как интересно!

— Вот еще! Никакая это не история, а чистая правда. Я своими глазами видала. Но час-то поздний, девчонка, небось, не захочет на ночь глядя про призраков слушать, — проворчала миссис Джоллиф.

— О привидениях? Больше всего на свете люблю истории о привидениях.

— Ну что ж, милочка, — ответила миссис Джоллиф, — если вам не страшно, садитесь с нами.

— Нянюшка как раз собиралась рассказать мне, как впервые подрядилась ухаживать за умирающей старушкой, — сказала миссис Дженнер, — и видала там привидение. Начинайте, пожалуйста, миссис Джоллиф, только прежде налейте себе чаю.

Старушка налила чашку божественного нектара, так способствующего дружескому общению, отхлебнула глоток, сдвинула брови, собираясь с мыслями, и приготовилась начать рассказ.

Добрая миссис Дженнер и молоденькая девушка восторженно взирали на старушку, которая, казалось, сама побаивалась собственных воспоминаний.

Сумрачная комната, обшита дубовыми панелями, с тяжелыми брусьями, переkreшивающимися под потолком, обставленная причудливой неуклюжей мебелью, старинная спальня, где в углу красуется кровать, скрытая под высоким темным балдахином, в складках, которого могут прятаться самые зловещие тени, как нельзя лучше подходила для подобного рассказа.

Миссис Джоллиф прочистила горло, обвела слушатели взглядом и начала повествование о призраке мадам Краул.

«Нынче-то я старуха, а тогда мне едва исполнилось тринадцать. Моя тетя служила в Эпплуэйл-Хаузе ключницей. Она и прислала: мной в Лексоу одноколку, чтобы отвезти меня с сундучком в Эпплуэйл.

Добравшись до Лексоу, я здорово струсила. При виде одноколки с лошастью мне захотелось снова очутиться в Хейзедде у матушки. Садясь в фэтон — так называются у нас эти коляски, — я даже всплакнула, и кучер Джон Малбери, добрый малый, купил мне в «Золотом Льве» пригоршню яблок и сказал, что в большом доме меня ждет горячий чай, и пирог с черникой, и свиные отбивные, это все тетушка приготовила. Ночь стояла ясная, лунная, я сидела в фэтоне, глядела в окно и жевала яблоки.

Стыдно взрослым мужчинам пугать бедного ребенка вроде меня. А может, они решили подшутить. Их двое вскочило на подножку фэтона. Сели подле меня и поехали. Когда стемнело и вошла луна, они принялись меня расспрашивать о том, куда я еду. Ну, я и рассказала, что меня ждут у мадам Арабеллы Краул, в Эпплуэйл-Хаузе, близ Лексоу.

— Ого, — бросил один из них, — ты, малышка, долго там не продержишься!

Я взглянула на него и спросила: «Почему?» Ничего умнее мне голову не пришло.

— А потому, — ответил он. — Сама увидишь — только никому не говори: она одержима дьяволом и уж стала наполовину привидением. У тебя есть библия?

— Да, сэр, — сказала я. Матушка положила в сундучок маленькую библию; она и до сих пор со мной, в стенном шкафу лежит, только шрифт больно мелкий для моих старых глаз.

Я сказала «Да, сэр» и подняла глаза. Тут мне показалось, будто он подмигнул приятелю, а может, мне померещилось.

— Вот и ладненько, — сказал он. — Не забывай класть ее на ночь под подушку, тогда старая ведьма до тебя не доберется.

До чего же я перепугалась, когда он так сказал, вы и представить себе не можете! Я хотела выпросить у него побольше о старухе, но не посмела, а он с приятелем заговорил о своих делах. Так мы и добрались до Лексоу. Въехали в темную аллею, у меня душа в пятки. Деревья стоят большие, толстые, старше самого дома, а вокруг с пистолетами ходят четверо слуг.

Мне любопытно стало взглянуть на старый дом, я вытянула шею из окна. Тут мы подъехали к дверям.

Дом был большой, черный с белым, стены перекрещены черными брусьями, коньки крыш торчали вперед, белые под луной, как бумага. Под деревьями лежали тени, качались взад-вперед, точно призраки, и каждый листик на дереве разглядеть можно было. В больших окнах гостиной стеклышки ромбиками, блестят, как зеркала, а к остальным окнам снаружи на петлях привинчены большие ставни, как раньше делали. В доме жила одна старая леди да с ней трое-четверо слуг, вот все комнаты и не открывали.

Когда я увидела перед собой старый дом и поняла, что мы приехали, у меня душа в пятки ушла. Ко мне подошла тетя — я ее никогда раньше не видела. Я подумала о мадам Краул, за которой я должна ухаживать — ее я тоже никогда не видела, но уже заранее боялась.

Тетя поцеловала меня и отвела к себе в комнату. Она была высокая, худая, лицо бледное, а глаза черные, на тонких руках черные перчатки. Ей было за пятьдесят, словами она не бросалась, но слово ее было закон. Не могу о ней сказать худого, но женщина была суровая. Пожалуй, будь я дочерью ее сестры, а не брата, она была бы со мной поласковее. Но какая теперь разница.

Молодой сквайр, внук мадам Краул, звали его мистер Чивникс Краул, наезжал раза два-три в год посмотреть, как поживает старушка. За то время, что я жила в Эпплуэйл-Хаузе, я видела его едва пару раз.

За старушкой, что ни говори, ухаживали неплохо, а все потому, что моя тетя и Мэг Уайверн, горничная, были женщинами добросовестными.

Миссис Уайверн — про себя тетя называла ее Мэг Уайверн, а при мне величала «миссис» — была рослая, веселая толстуха лет пятидесяти, всегда добродушная. Ходила она медленно. Платили ей неплохо, но она была скуповата, прятала все нарядные платья под замок и целыми днями ходила в саржевом халате шоколадного цвета с желтыми, красными и зелеными веточками. На редкость крепкий халат, сносил ему не было.

Она ни разу мне ничего не дала, даже старого наперстка, но женщина была добродушная, смешливая, а за чаем без конца рассказывала сплетни. Видела, что я по дому тоскую, и старалась меня развеселить. Я, пожалуй, любила ее даже больше тети — детей легко привязать к себе, только расскажи им что-нибудь забавное. Тетушка была ко мне очень добра, но кое в чем чересчур сурова и все больше молчала.

Тетя отвела меня к себе в спальню, чтобы я отдохнула с дороги, пока она накрывает чай. Она похлопала меня по плечу, сказала, что я девочка рослая для своих лет, и спросила, умею ли я шить и работать по дому. Заглянула мне в лицо и сказала, что я похожа на отца, ее брата, царство ему небесное, и она надеется, что я стану лучшей христианкой, чем он, и ничего эдакого вытворять не буду.

«Слишком строго она разговаривает, — подумала я, — ведь я впервые вижу ее и ничем не заслужила такого выговора».

Потом я прошла в соседнюю комнату, приемную, где ключница делами занималась — такую роскошную, кругом все дубовое. В камине ярко пылал огонь, горел там и уголь, и торф, и дрова — всё вместе, а на столе стоял чай, и горячий пирог, и копченое мясо. С нами сидела миссис Уайверн, веселая, толстая, и за час наговорила больше, чем моя тетя за год.

Пока я пила чай, тетя поднялась наверх посмотреть, как там мадам Краул.

— Пошла проверить, не спит ли старая Джудит Скуэйлз, — сказала миссис Уайверн. —

Джудит сидит с мадам Краул, когда поблизости нет меня или миссис Шаттерс (так звали мою тетю. Очень беспокойная старуха. Когда будешь с ней, следи в оба, а она или дом подожжет, или в окно выбросится. Хоть и старая, пороку в ней еще ой-ой-ой).

— А сколько ей лет, мэм? — спросила я.

— Восемь месяцев назад девяносто три стукнуло, — ответила служанка и расхохоталась. — И не расспрашивай про старушку при тетушке — не забудь, я тебя предупредила. Принимай ее такой, какая она есть, и все тут.

— А что я должна делать, мэм, объясните, пожалуйста, — просила я.

— Со старухой-то? — переспросила она. — Тебе все расскажет твоя тетушка, миссис Шаттерс. Но, думаю, тебе придется сидеть с ней в комнате и заниматься своим делом, следить, чтобы чего не приключилось, а она пусть забавляется игрушками на столе, попросит, принесешь ей еды и питья, но главное, береги ее, чтобы чего не стряслось, а если начнет буяннить, погромче звони в колокольчик.

— Она глухая, мэм?

— Не глухая и не слепая, — ответила миссис Уайверн. — Вострая, как иголка, только из ума выжила, ничего толком не помнит. Поэтому ей все равно — что Джек-Победитель великанов, что Мальчик-с-пальчик, что королевский двор, что дела государства.

— А отчего, мэм, ушла та девочка, что служила здесь до меня? Тетя написала маме, что в пятницу она собирается уходить.

— Верно, ушла.

— А почему? — переспросила я.

— Она не объяснила миссис Шаттерс, почему, — ответила служанка. — Я не знаю. Не болтай, тетя не любит болтливых девчонок.

— А скажите, мэм, старая леди находится в добром здравии? — спросила я.

— Спросить не грешно, — промолвила она. — Недавно прихворнула, но на прошлой неделе ей стало лучше. За сто лет перевалит, как пить дать, еще нас переживет. Тс-с-с! Твоя тетушка идет по коридору.

Тетя вошла и заговорила о чем-то с миссис Уайверн. Мне стало уютнее, почти как дома, я прошлась по комнате, глядя по сторонам. В буфете стояла красивая фарфоровая посуда, на стене висела картина. Стенной шкаф, скрытый за дубовой обшивкой стен, был открыт, и внутри я заметила странного вида кожаную куртку, всю в лентах и пряжках, а рукава длинные, как столбики у кровати.

— Детка, что ты там разглядываешь? — резко спросила миссис Шаттерс. Мне казалось, тетушка и думать забыла обо мне, а она вдруг обернулась и заметила, что я стою у стенного шкафа. — Что у тебя в руках?

— Вот, мэм, — я показала ей кожаную куртку. — Я не знаю, что это такое, мэм.

На бледных щеках тети выступили красные пятна, глаза вспыхнули от гнева, и, не будь между нами полудюжины шагов, она бы, наверно, влепила мне пощечину. Но она лишь встряхнула меня за плечо, выхватила странную куртку и сказала:

— Пока живешь здесь, запомни: ни во что не вмешивайся и не бери чужого. — С этими словами она повесила куртку обратно на гвоздь и захлопнула дверцу.

Миссис Уайверн вскинула руки и тихо засмеялась, покачиваясь на стуле, как всегда, когда на нее находило веселье.

На глаза мне навернулись слезы. Миссис Уайверн подмигнула тете, вытерла собственные слезы, выступившие от смеха, и сказала:

— Да чего ты, девочка ведь не хотела ничего плохого. Пойди сюда, крошка. Знаешь, что это? Костыли для хромых уток, вот и все, и не приставай больше с расспросами, тогда нам не придется врать. Садись и выпей на ночь кружку пива, а потом ложись спать.

Моя комната была наверху, рядом со старухиной, а миссис Уайверн спала прямо у нее в спальне, кровати их стояли рядом. Я должна была приходить, как только позовут.

В ту ночь и накануне старуха была в злобном настроении. С ней случались такие приступы. Иногда она не позволяла никому одеть ее, иногда не давала снять с нее одежду.

Говорят, в свое время она была красавицей. Но тех дней не помнил никто в Эпплуэйле.

Старуха обожала наряжаться. Каких только платьев у нее не было — и шелковые, и атласные, и бархатные, и кружевные — хватило бы на семь магазинов. Все они были старомодные, чудного покроя, но стоили жутко дорого.

Легла я в постель, но уснуть никак не могла. Все для меня было в новинку, а может быть, чай меня взбудоражил, я ведь не привыкла чай пить, разве что по праздникам. Я услышала голос миссис Уайверн, приложила ладонь к уху и прислушалась. Но голоса миссис Краул не было слышно; по-моему, она так ничего и не сказала.

Со старухи чуть ли не пылинки сдували. Слуги в Эпплуэйле знали, что после ее смерти всем придется паковать чемоданы, а пока что им жилось сытно и безбедно.

Дважды в неделю старуху навещал доктор, и все указания его выполнялись строго-настрого. Говорил он всегда одно и то же: старухе нельзя ни в чем перечить, только веселить и убаживать.

Так что она как легла, так и лежала одетая всю ночь, и весь следующий день, и не сказала ни слова. Я целый день сидела у себя в комнате и шила, разве что ненадолго спустилась к обеду.

Мне очень хотелось увидеть старуху или хотя бы услышать ее голос. Но для меня она была все равно, что на Луне.

После обеда тетя послала меня прогуляться часок. Прогулка мне не понравилась. День был пасмурный, кругом темно и уныло, деревья такие большие, что я даже всплакнула, вспомнив о маме, поэтому с радостью вернулась в дом. В тот вечер я сидела при свечах у себя в спальне. Дверь в комнату мадам Краул была открыта, там сидела моя тетя. В тот день я впервые услышала, как старая леди разговаривает.

Звук был странный, тихое какое-то блеяние, то ли птица чирикает, то ли зверь воет.

Я прислушалась, но не могла разобрать ни слова. Тетя ответила:

— Дьявол никому не причинит зла, мэм, коли Господь не позволит.

Тот же странный голос произнес еще несколько слов, но опять ничего не поняла.

Тетя опять ответила:

— Ну и пусть корчат рожи, мэм, пусть говорят что хотят; если Господь с нами, кто нам страшен?

Я прислушалась, затаив дыхание, но из комнаты больше не донеслось ни звука, минут через двадцать, когда я сидела за столом, разглядывая картинки в «Баснях» Эзопа, в дверь кто-то вошел. Я подняла глаза и увидела на пороге тетю. Она подняла руку, призывая меня к молчанию.

— Тс-с-с! — прошептала тетушка и на цыпочках прошла в комнату. — Слава Богу, уснула наконец. Не шуми, пока я не вернусь. Пойду выпью чаю. Миссис Уайверн придет вместе со мной и ляжет спать у старухи в комнате, а когда мы вернемся, ты сможешь отлучиться. Джудит накроет тебе ужин у меня в комнате.

И она ушла.

Я смотрела картинки в книжке, прислушиваясь к малейшему шороху, но из спальни не доносилось даже вдоха. Я принялась шепотом рассказывать, что видела на картинках, и разговаривать сама с собой, чтобы не бояться, потому что мне стало страшно в такой большой комнате.

Наконец я встала и прошлась туда-сюда, просто от нечего делать, вы ведь понимаете. Потом решила заглянуть в старухину спальню.

Спальня была огромная, кровать с пологом на четырех столбиках, и занавески, цветастые, шелковые, от пола до потолка, плотно задернуты. У стены зеркало такое большое, каких я в жизни не видывала, и вся комната залита светом, ярким-преярким. Я насчитала двадцать две восковые свечи, и все горели. Так уж старухе взбрело в голову, и никто не смел ей перечить.

Я разинув рот глазела по сторонам. Услышав, что старуха не дышит и даже занавески не колышутся, я на цыпочках вошла в комнату и огляделась. Потом взглянула на себя в

большое зеркало. Наконец мне пришло в голову: «Почему бы не посмотреть на старуху в постели?»

Знай вы, как сильно мне хотелось поглядеть на мадам Краул, вы бы сочли меня круглой душой. А мне подумалось: если я не посмотрю на нее сейчас, мало ли когда мне еще выпадет такая удача.

Так что, милочка, подошла я сбоку к кровати, занавески задернуты, а сердце у меня так и замирает. Но я набралась храбрости и просунула между занавесками сначала палец, а потом и всю руку. Подождала немного, но тишина стояла мертвая. Я потихоньку, потихоньку отодвинула занавеску, а там лежит сама мадам Краул, хозяйка Эпплуэйла, вытянулась во весь рост, точно раскрашенная статуя, что лежит на надгробном памятнике у нас в церкви, в Лексоу. Разряженная, как кукла. Вы таких нарядов и не видали. Шелк с атласом, зеленое с алым, и золото, и кружева. Как на картинке, ей-Богу! Парик напудренный, огромный, чуть не в половину ее самой, а лицо морщинистое, Каких свет не видывал. Кожа на горле отвисла мешком и напудрена добела, щеки нарумянены, брови из мышьиной шкурки — их миссис Уайверн наклеивает, и чулки шелковые со стрелками, и шпильки на туфлях высокие, как кегли. Ну и ну! А нос! кривой и острый, и глаза закатили так, что белки наполовину видны. Любила она наряжаться да с веером в руке, с букетиком за пазухой вертеться перед зеркалом, хихикая, как девчонка. Морщинистые ручки вытянуты по бокам, а ногти длинные, как у кошки, и острые, как когти, я таких в жизни не видала. Неужто у богатеев такая мода была — ногти не стричь?

Вы, поди, сами бы напугались, коли такое увидели. Я не шелохнуться не могла, ни глаз отвести, ни занавеску отпустить. Даже сердце замерло. Вдруг старуха открыла глаза, села на постели, спустила ноги на пол и пошла, клацая каблучками. Подошла ко мне и уставилась в лицо, а глаза точно стеклянные. Говорит что-то и сморщенными губами шлепает, а зубы вставные, длинные.

Страшнее я в жизни ничего не видела: ни дать ни взять покойница. Спина от старости горбатая. Вытянула пальцы ко мне и говорит:

— Ах ты, дьявольское отродье! Зачем говоришь, будто я убила мальчишку? Вот защекочу тебя до смерти, будешь знать!

Тут бы мне развернуться да убежать, но я не могла глаз отвести от нее и попятилась что было мочи, а она надвигается на меня, дергается, как кукла на веревочках, и костлявыми пальцами к горлу тянется, а языком вот так свистит: зизз-зизз-зизз.

Я пятилась во всю прыть, а пальцы ее были уже почти у самого горла. Мне казалось, коснись она меня, и я с ума сойду от ужаса.

Убежала я от нее, забила в угол и завопила так, точно у меня душа с телом расстается. Тут в дверях с громким криком появилась моя тетя. Старуха оглянулась на нее, и я тоже повернулась, выскочила к себе в комнату, да вниз по лестнице, еле ноги унесла.

Ну и разрыдалась же я, когда спустилась в ключницыну комнату! Миссис Уайверн посмеялась над моими страхами, но когда я рассказала, какие слова кричала мне старуха, тотчас же сменила тон.

— Ну-ка, повтори, — велела она.

Я повторила:

— «Ах ты, дьявольское отродье! Зачем говоришь, будто я убила мальчишку? Вот защекочу тебя до смерти, будешь знать!»

— А ты говорила, будто она убила мальчишку? — спросила миссис Уайверн.

— Нет, мэм, — ответила я.

С того дня, если обе дамы отлучались, со мной всегда была Джудит. Я бы скорее выпрыгнула в окно, чем осталась в комнате наедине со старухой.

Насколько помню, прошла еще неделя. Однажды, когда мы с миссис Уайверн остались вдвоем, она рассказала мне кое-что о мадам Краул, чего я прежде не знала.

В молодости она была писаная красавица и, лет семьдесят тому назад, вышла замуж за сквайра Краула из Эпплуэйла. Он был вдовец и имел сына лет девяти.

До поры до времени о том мальчике слыхом никто не слыхивал. Но однажды утром он ушел, и никто не знал, куда. Слишком много ему свободы давали, по утрам часто разгуливал неизвестно где. Как-то раз пошел в сторожку к леснику и позавтракал с ним, а потом отправился в крольчатню и дома до вечера не появлялся. А в другой раз ушел на озеро, целый день купался, рыбу ловил и катался на лодке. Никто не знал, что ему на ум взбредет. В тот день все домашние с ног сбились, пока искали мальчишку, но нигде не нашли, только шляпа лежала под кустом боярышника, что и поныне растет на берегу. Думали, что он утонул, купаясь. А поместье унаследовал сын сквайра от второго брака, отпрыск этой мадам Краул, что зажила на свете. От него поместье перешло к сыну, тому самому сквайру Чивниксу Краулу, что и владел им поныне.

О том случае много пересудов ходило, говорили, что мачеха знает куда больше, чем рассказывает. И мужа, старого сквайра, она ласками да сказками вокруг пальца обвела. Но раз мальчишка не появлялся, то и разговоры со временем стихли сами собой.

А теперь я расскажу то, что видела своими глазами.

Не прошло и шести месяцев с тех пор, как я приехала в Эпплуэйл, как однажды зимой старуха расхворалась в последний раз.

Доктор боялся, что она опять свихнется, как это было пятнадцать лет назад. Тогда она буйствовала, и ее приходилось завязывать в смиренную рубашку, ту самую кожаную куртку, что я видала в шкафу в тетушкиной комнате.

Однако все обошлось. Старуха чахла на глазах, падала в обморок, но вела себя тихо. Потом вдруг принялась бессвязно бормотать, то выла в постели, словно ей к горлу нож приставили, то пыталась встать с кровати, но сил-то не было, она постоит-постоит да упадет на пол, лицом на руки, и опять завывает так, что мороз по коже.

Понятное дело, я к ней и на порог ступить боялась, только дрожала от страха, не вставая с кровати, пока она визжала да скребла пальцами по полу. А ругалась она так, что хоть святых выноси. С ней все время сидела моя тетя, и миссис Уайверн, и Джудит Скуэйлз, и еще одна женщина из Лексоу. Под конец у старухи начались припадки, они-то ее и доконали.

С ней сидел священник и молился за нее. Она сама-то, небось, давно забыла, как это делается. Наверно, без священника и впрямь было не обойтись, да только пользы в том не было: в конце концов старуха все-таки скончалась. Старую мадам Краул одели в саван, положили в гроб, написали сквайру Чивниксу. Но он был во Франции и не приезжал так долго, что врач со священником воспротивились: не дело, мол, столько дней держать гроб в доме, не предавая земле. На похоронах только и были, что они двое, да моя тетя, да прочий народ из Эпплуэйла. Старую хозяйку Эпплуэйла положили в склеп в Лексоуской церкви, а мы жили в большом доме, ожидая, пока молодой сквайр приедет и распорядится нашей судьбой, да выплатит сколько положено отступных.

После смерти старухи меня переселили в другую комнату, через две двери от спальни мадам Краул, а наутро в Эпплуэйл явился сквайр Чивникс.

Новая моя спальня была огромная, квадратная, обшитая дубовыми панелями, но мебели там было мало: только моя кровать без полога, стул да стол — для такой большой комнаты все равно, что ничего. Да еще большое зеркало в углу, перед которым любила вертеться старуха, его убрали подальше с дороги и прислонили к стене у меня в спальне. Когда старуха в гроб легла, много вещей из ее комнаты повыносили.

Утром мы узнали, что на завтра в Эпплуэйл приезжает молодой сквайр. Я ничуть не жалела, потому что хотела, чтобы меня скорее отпустили домой, к матери. Я радовалась, вспоминала всех домашних, и сестру Дженет, и котенка, и ручную сороку, и дворняжку Триммера, и всех остальных, и так завелась, что никак не могла уснуть. Пробило полночь, а сон никак не идет, и в комнате темно, как в угольной яме. Я повернулась спиной к двери и смотрела в стену перед собой.

Не прошло и четверти часа, как вдруг стена передо мной озарилась, словно у меня за спиной вспыхнуло пламя. На брусках под потолком и на дубовых панелях заплескали тени от

кровати, от стула, от моего халата, что висел на стене. Я тотчас обернулась посмотреть, не занялся ли пожар.

И что же я увидела? Господи помилуй! Стоит у меня за спиной жуткая старуха, точь-в-точь старая ведьма, разряженная в шелка да бархаты, стоит и ухмыляется, глаза точно блюдца, а лицо как у дьявола. Вокруг нее красное зарево, словно у нее платье полыхает. Двинулась прямо на меня, руки трясущиеся вытянула, пальцы скрючила, будто схватить хочет. Я шевельнуться не могу, а она прошла мимо, на меня аж холодом повеяло, и подошла к алькову, как его тетя называет, это такая ниша в стене, где в прежние времена кровать стояла. Дверца раскрыта, и она шарит там, будто ищет что-то. Я эту нишу никогда раньше не видела. А она повернулась ко мне, точно на шарнире, и вдруг в комнате стало темно, а я стою по другую сторону кровати, уж не знаю, как я там очутилась. Я собралась с духом да как заору! Сбежала вниз по лестнице и чуть не сорвала с петель дверь к миссис Уайверн, напугала ее до полусмерти.

Понятное дело, я той ночью не спала, а едва рассвело, со всех ног помчалась к тете.

Тетя не стала меня бранить, а взяла за руку, посмотрела прямо в лицо и сказала, чтобы я не боялась. И еще спросила:

— Был у призрака в руке ключ?

— Да, — припомнила я. — Большой ключ с чудной латунной рукояткой.

— Погоди-ка, — сказала тетя, выпустила мою руку и открыла буфет. — Такой? — она протянула мне ключ и строго посмотрела.

— Он самый, — быстро подтвердила я.

— Точно? — тетя повертела ключ передо мной.

— Похоже, — проговорила я. Вдруг мне ни с того ни с сего стало дурно.

— Ладно, детка, — сказала тетя, поразмыслила и заперла ключ обратно.

— Сегодня до полудня здесь будет сам сквайр. Ты ему все расскажи, — велела тетя. — Я, наверно, скоро уеду, так что ты лучше отправляйся домой сегодня же, а я подберу для тебя другое местечко.

Можете себе представить, как я обрадовалась.

Тетя собрала мои вещи, уплатила причитающиеся три фунта жалованья. В тот день в Эпплуэйл пожаловал сам сквайр Краул, красавец мужчина, лет тридцати. Я видела его во второй раз, но разговаривала с ним впервые. Тетя поговорила с ним у себя в комнате. Не знаю уж, о чем шла речь. Я побаивалась сквайра, ведь он был такой важный господин из Лексоу, и боялась подойти ближе, пока меня не позовут. Он улыбнулся и сказал:

— И что же это такое ты видела, детка? Может, тебе приснилось, ты ведь знаешь, что призраков не бывает. Но что бы это ни было, малышка, садись и расскажи все по порядку.

Когда я дошла до конца, он подумал немного и сказал тете:

— Я это место хорошо помню. При покойном сэре Оливере хромым Уайндел говорил мне, что слева в нише есть дверь, именно там, где открывала дверь старуха, что приснилась малышке. В тот год ему перевалило за восемьдесят, а я был еще мальчишкой. С тех пор двадцать лет прошло. Когда-то там держали столовое серебро и драгоценности, давно, еще до того, как в спальне с гобеленами поставили железный шкаф. Старик говорил, что к этой дверце подходит ключ с латунной рукояткой, тот самый, что вы нашли на дне ящика, где она держала старые веера. Думаю, ничего удивительного, если мы найдем там пару-другую ложек или старухины бриллианты. Пойдем с нами, крошка, покажешь место.

Идти мне не хотелось, сердце замирало от страха. Я крепко держала тетю за руку. Мы вошли в ту ужасную комнату, и я показала им, где шла старуха, где она остановилась и шарила по дверце. Возле стены стоял пустой шкаф для белья. Мы отодвинули его — под дубовой обшивкой и впрямь обнаружилась дверца. Замочная скважина забита деревом и застругана вровень с поверхностью, все швы окрашены под дуб, но петли немного видны. Стало ясно, что за шкафом скрывался потайной ход.

— Ага! — радостно воскликнул сквайр. — Вот она!

Сквайр взял молоток и зубило и за минуту выбил из замочной скважины деревянную

пробку. Ключ подошел, замок со скрипом поддался, и дверца отворилась.

Позади нее оказалась еще одна дверца, чуднее первой, но замка на ней не было, и мы легко открыли ее. За ней обнаружилась узенькая каморка с кирпичным сводом. Внутри было так темно, что мы не могли ничего разглядеть.

Тетя зажгла свечу, сквайр взял ее и вошел в каморку.

— Ну-ка, ну-ка, — проговорил сквайр, пятась назад. — Что это такое? Кочергу, скорее! — бросил он тете. Она отошла к камину, а я заглянула поверх его руки — в дальнем углу на корточках сидела то ли обезьяна, то ли человек, с которого содрали кожу, в общем, самая гнусная тварь, какая водилась на свете.

Подавая сквайру кочергу, тетя заглянула через его плечо.

— Господи! — воскликнула она при виде мерзкой твари. — Осторожнее, сэр. Отойдите-ка лучше назад да закройте дверь!

Но он не послушался, шагнул внутрь, выставив кочергу, как шпагу, и ткнул неизвестную тварь. Она сложилась пополам и рухнула, рассыпавшись по полу грудой костей и пыли.

То были кости ребенка, остальное рассыпалось в прах при первом прикосновении. Сквайр и тетя долго молчали, потом он перевернул череп, лежавший на полу.

Я хоть и была мала, хорошо понимала, о чем они думают.

— Дохлая кошка! — сказал сквайр, поспешно отступил и задул свечу, а потом захлопнул дверь. — Мы с вами еще вернемся, миссис Шаттерс, и посмотрим, что лежит на полках. Пока что мне нужно поговорить с вами о других делах, а эта девочка, вы говорили, едет домой. Жалованье она получила, а я хочу сделать ей подарок. — Он похлопал меня по плечу.

Он дал мне золотую гинею, и через час я в почтовой карете ехала в Лексоу, радуясь, что скоро буду дома. Слава Богу, больше я ни разу не видела мадам Краул из Эпплуэйла, ни во сне, ни наяву. Но когда я выросла, тетя заехала на денек к нам в Литтлхэм и рассказала, что случилось после моего отъезда. В каморке, без сомнения, лежал мертвый мальчик, тот самый, что давным-давно исчез. Злобная ведьма заперла его умирать в потайной чулан, туда, где никто не слышал ни его криков, ни мольбы, ни стука, а шляпу оставила у воды, чтобы все подумали, будто мальчик утонул. Одежда его истлела, и когда мы обнаружили косточки, при первом же прикосновении рассыпалась в прах. Но среди пыли нашли горстку пуговиц черного янтаря, ножик с зеленой ручкой и пару пенни, что были в кармане у мальчика. А среди бумаг сквайра обнаружилось объявление с описанием примет пропавшего сына, которое развесил старый сквайр, когда думал, что малыш убежал или его украли цыгане. Там говорилось, что у мальчика был с собой ножик с зеленой ручкой, а пуговицы у него из черного янтаря.

Вот и все, что я могу рассказать о мадам Краул из Эпплуэйл-Хауза».